

М.Л. Спивак

Последний царский министр внутренних дел
А.Д. Протопопов
в политической публицистике А.А. Блока
и его современников

В статье рассматривается восприятие современниками личности и деятельности последнего царского министра внутренних дел А.Д. Протопопова. В центре внимания – образ Протопопова в книге А.А. Блока «Последние дни императорской власти». Анализируется амбивалентное отношение к министру современников и комический аспект образа Протопопова в мемуарах и дневниках политических деятелей и писателей.

Ключевые слова: Александр Блок, «Последние дни императорской власти», А.Д. Протопопов, Государственная Дума, Февральская революция 1917 г., Временное правительство.

«Со стороны взглянуть – комедия»

Отношение общества к последнему царскому министру внутренних дел было на редкость единодушным.

Самый вредный, самый страшный человек для государства, для этой разрухи оказался Протопопов. На меня все это производит такое впечатление, что последствия ужасные, но сделано это недостойным, незначительным человеком, потому что он больной человек, я это положительно утверждаю¹,

– оценивал его деятельность Председатель IV Государственной Думы октябрист М.В. Родзянко.

© Спивак М.Л., 2016

Работа велась при поддержке гранта РГНФ № 15-34-12003 «Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – начала 1920-х)» (ИМЛИ РАН).

Тлетворный дух проявлялся <...> в сатанинском таланте Протопопова угадывать злободневное настроение страны и с каким-то язвительным злорадством идти наперекор этому настроению²,

– характеризовал его монархист В.В. Шульгин³.

«Ужасом России»⁴ называл его черносотенец В.М. Пуришкевич: «Протопопов расправляется в тяжелую годину родины со всем русским народом, угашая в нем дух уважения к власти, дух веры в будущее, дух порядка»⁵.

Литературный цех также не скупился на выразительные характеристики.

«Один Протопопов с его отсутствием государственного смысла, навязанный нам в руководители, наделал столько зла, что армии проповедников не справиться хотя бы только с одними моральными последствиями его деятельности»⁶, – констатировал В.Г. Короленко.

«...Наш министр шалунишка Протопопов <...> на министерском кресле, – это символ и знак: все поздно, все неменяемы»⁷, – стенола З.Н. Гиппиус.

«В этом лице, хотя бы и не его волею, как в фокусе, сосредоточились все симптомы разложения, он – как бы символ крушения самодержавия <...>», – подытоживал А.А. Блок⁸.

Сибирский фабрикант Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1918) пришел в политику как член партии октябристов. В оппозиционном правительстве IV Государственной Думе он был Товарищем председателя, т. е. вторым после М.В. Родзянко человеком. На министерском посту Протопопову было суждено пробыть всего полгода (16 сентября 1916 г. назначен управляющим Министерством внутренних дел, а 20 декабря утвержден на посту министра). Однако за краткий срок он успел стать объектом не только всеобщей ненависти, но и всеобщих насмешек.

Монархические круги ненавидели его за думское прошлое. Прогрессивная общественность не простила ему вхождение в правительство. Выдвижение думца на министерский пост должно было смягчить противостояние различных ветвей власти. Однако сразу после назначения Протопопов проникся ненавистью к либералам, а себя ощутил спасителем государя и отечества.

Его подозревали в государственной измене (он вел переговоры о сепаратном мире с Германией, когда в составе думской делегации ездил в Стокгольм), обвиняли в продовольственном кризисе (он неудачно попытался взять продовольственное дело под свое начало), в попытке вооруженного подавления народных волнений в Пе-

трограде (молва приписывала ему приказ об установке пулеметов на крышах домов) и пр.⁹

Ненависть и презрение соседствовали в отношении к Протопопову с чувством оторопи. Поведение министра казалось настолько неадекватными, что поползли слухи о его сумасшествии.

«Он сделался товарищем председателя Государственной Думы, лишь выйдя из сумасшедшего дома, где провел несколько лет»¹⁰, – утверждала Гипсиус.

«Протопопов всем распоряжается. А он, изволите видеть, сумасшедший <...>»¹¹, – повторял этот слух Алексей Толстой в «Хожении по мукам».

Редкие мемуары обходились без обыгрывания темы протопоповского безумия. Однако самым жирным пятном на его и без того никудышной репутации стала близость к Распутину, который и продвинул Протопопова на министерский пост.

«Протопопов неустанно и хламиду Гришкину целует, и сам “с голосами” до такой степени, что даже в нем что-то “гришенькино”, “чудесное” мелькает... в Царском»¹², – записывала в дневнике З.Н. Гипсиус.

«<...> Повторялось всякое – и о измене, о радиотелеграфе – “прямой провод из Царского в германскую ставку” – и о министре Протопопове, в которого вселился дух Распутина <...>»¹³, – отмечал А.М. Ремизов во «Взвихренной Руси».

Все это сделало Протопопова персонажем в значительной степени комическим.

«Вообще первое движение лиц, знавших Протопопова, когда узнали, что он будет министром, был неудержимый смех, а не негодование, так как всем показалось смешно, что Александр Дмитриевич Протопопов может оказаться когда-нибудь на таком посту»¹⁴, – свидетельствовал кадет и член IV Государственной Думы В.А. Маклаков.

Гипсиус вспоминала реакцию на его возвышение. «Некий серьезный общественный деятель, вполне разумный, на моих глазах начал истерически хохотать, узнав о назначении Протопопова»¹⁵. «...Протопопов набрал <...> и на прорицания, хотя еще робко, но уже посягает. Со стороны взглянуть – комедия»¹⁶, – писала она в дневнике, добавляя: «Ну, пусть чужие смеются. Я не могу. У меня смех в горле останавливается. Ведь это – мы. Ведь это Россия в таком стыде. И что еще будет!»¹⁷

Эту комедийная сторона протопоповский личности и связанных с ним сюжетов быстро сделала министра внутренних дел героем карикатур и фельетонов.

Ходили слухи, что <...> назначением министров заведовал тобольский конокрад Григорий Ефимович Распутин, младший знахарь тибетского далай-ламы Бадмаев и какая-то дама <...> известная в России под псевдонимом Вырубова. Благодаря энергичной работе этих лиц был приглашен городской сумасшедший г. Протопопов занять пост министра внутренних дел. Государственная дума очень тепло отнеслась к этому приглашению и даже перешла на «ты» с будущим министром, к которому в случае нужды обращались прямо:

– Послушай, ты, мерзавец...

Протопопов быстро организовал дело защиты столицы от нашествия на нее со стороны провианта. В несколько дней Петрограду не угрожал ни один кусок хлеба.

Тогда стало угрожать население.

– Удивительно меня любят, – вырвалась у Протопопова историческая фраза, – чуть услышат мою фамилию, сейчас же толпы собираются и кричат...¹⁸,

– насмехался Аркадий Бухов.

Появился Протопопов (прежде всего как ставленник Распутина) и на театральных подмостках, и на киноэкране¹⁹. Но особой популярностью он пользовался у сочинителей сатирических виршей, распространявшихся в списках и многократно воспроизведенных мемуаристами.

Петроград продолжал, пока что, усиленно веселиться и либерально судачить, носясь со стишками по адресу «стоящего у власти» Протопопова:

«Про то Попка знает,
Про то Попка ведает!»

Глупые стишки обошли вскоре всю Россию и шарада их тайного смысла услаждала сердца доморощенных патриотов²⁰,

– вспоминал адвокат Н.П. Карабчевский.

Эти известные строки «великосветского памфлетиста» В.П. Мятлева, «чьи стихи ходят по петербургским гостиным», мигом облетают «великокняжеские дворцы, все гвардейские офицерские собрания, все важнейшие канцелярии, редакции всех газет и кулуары» и которые знает наизусть «весь лицей, от старших классов до самого младшего», приводит в мемуарах журналист Л.Д. Любимов, учившийся тогда в Александровском лицее:

Аннушка гадает,
Гришка прорицает...
Про то попка ведает,
Про то попка знает.

Так высмеивал Мятлев триумвират, возглавляющий «темные силы». Всему лицу известен его состав²¹.

К тому же стихотворному памфлету, правда, допуская варианты авторства, обращается писатель и лингвист Л.В. Успенский, в то время гимназист, в «Записках старого петербуржца»:

<...> Протопопов, вчерашний думец <...> вроде близок к «прогрессивному блоку», и вдруг оказывается, что куда ближе он к прогрессивному параличу... И светский поэт Мятлев <...> а может быть и сам <...> Пуришкевич, – пишет про него стишки:

У премьеры старого
В клетке золоченой
Есть для блока серого
Попугай ученый.
Кто про что беседует,
Кто кого ругает, –
Про то попка ведает,
Протопопка знает...²²

Фрагмент другого общеизвестного стихотворения («К назначению Протопопова» – авторство приписывается В.М. Пуришкевичу²³) приводит художник Борис Ефимов, учившийся в канун Февральской революции в Харьковском реальном училище:

Ходят по рукам сатирические стишки о ставленнике Григория Распутина – министре внутренних дел Протопопове. Мне запомнились такие куплеты:

...Царю и родине служитель
На новый, собственный манер.
Дворянства бодрый предводитель
И бывший конногренадер.
Да будет с ним святой Егорий,
Но интереснее всего –
Какую сумму взял Григорий
За назначение его...²⁴

«Следует обойтись без анекдотов...»

У А. Блока пристальное внимание к министру внутренних дел возникло в период работы в учрежденной в марте 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств (далее – ЧСК)²⁵. По служебным обязанностям (редактор стенограмм) Блок знакомился с показаниями заключенного в Петропавловскую крепость Протопопова, наблюдал его поведение в тюремной камере, присутствовал на допросах. К тому же Блоку было предложено подготовить о Протопопове отдельный очерк для коллективного тома отчета ЧСК. В нем предполагались главы об отдельных персонах, а также ряд общих глав, раскрывающих ход событий (для этого раздела Блок написал «Последние дни императорской власти»). «...Я принужден согласиться попробовать писать очерк о Протопопове. <...> что будет из ряда очерков, я не представляю. <...> Но матерьял интересен, и я испытаю силы над Протопоповым»²⁶, – записывал он в дневнике.

В силу разных причин задуманный проект не осуществился. «Последние дни...» Блок опубликовал сначала в журнале «Былое» (1919. № 15) под заглавием «Последние дни старого режима», а потом отдельной книгой в издательстве «Алконост» (Пг., 1921)²⁷. Очерк о Протопопове не был написан. Однако сохранились «Тезисы к главе отчета, посвященной А.Д. Протопопову»²⁸ и зафиксированные в дневнике, записных книжках и письмах раздумья Блока над личностью Протопопова и его ролью в истории²⁹.

Протопопов первоначально показался поэту фигурой, не вполне подходящей на роль символа эпохи.

Протопопов (даже) – личность страшно интересная с точки зрения психологической, исторической и т. д., но вовсе не интересная *политически*. Так сказать, не он был, а «его было», как любого из них. Если мы лишний раз упомянем это маленькое имя... то окажем плохую услугу – и народу, который будет продолжать думать о его значительности, и комиссии, и самому Протопопову³⁰,

– говорил он на заседании, посвященном обсуждению формы отчета.

Однако вскоре мнение Блока изменилось. В «Последних днях...» он настаивал на том, что «последнему министру внутренних дел Протопопову суждено было занять исключительное место в пра-

вительственной среде» и что «роль его настолько велика, что на его характеристике следует остановиться подробнее»³¹.

В отличие от многих современников Блок не был склонен к сатирическому дискурсу при изображении краха империи. К работе над историческими документами он отнесся серьезно и ответственно.

«В отчете Комиссии следует обойтись без анекдотов; но использовать тот богатый *литературный* материал, который дают именно стенограммы и письм<енные> показания – можно. Такова моя мысль»³², – излагал Блок свое кредо. Однако именно в отношении Протопопова полностью «обойтись без анекдотов» было сложно. К тому же «богатый *литературный* материал», который давали оказавшиеся в распоряжении Блока «стенограммы и письм<енные> показания», сатирический подход провоцировал.

Так, Блок «инкрустировал» рассказ о Протопопове краткими цитатами из его показаний³³, выбирая, как кажется, самые нелепые, забавные и саморазоблачительные: «Тогда же в голову его вступила “дурная и несчастная мысль насчет министерства”, ибо “честолюбие его бегало и прыгало” <...>» (ПД. С. 13). Или: «Протопопов, желавший, “чтобы люди имели счастье”, и полагавший, что “нельзя гений целого народа поставить в рамки чиновничьей указки”, <...> оказался <...> неприемлемым <...>» (ПД. С. 14).

По тому же принципу извлекал Блок характеристики Протопопова из показаний других обвиняемых или свидетелей обвинения³⁴: «балаболка», «честь тянется, как подвязка», «нес околесную» (ПД. С. 13, 14, 12). Хотя и деликатно, часто намеком вводил он в повествование и множество «анекдотических» эпизодов биографии Протопопова, тех самых, которые вызывали у современников наибольший смех.

Почувствовав «откровенную преданность» и искреннее обожание к «Хозяину Земли Русской» и его семье <...> Протопопов, с присущими ему легкомыслием и «манией величия», задался планами спасения России <...>» (ПД. С. 13).

Упомянул Блок и постоянный объект едких насмешек – «жандармский мундир», в котором Протопопов «однажды щегольнул перед думской комиссией» (ПД. С. 14), и нездоровое увлечение министра предсказаниями:

...он неудержимо интересовался тем, что говорил ему Перэн: что «его планета – Юпитер, которая проходит под Сатурном, и разные гороскопические вещи» (ПД. С. 14)³⁵.

Однако наиболее яркий анекдотический сюжет, введенный Блоком в «Последние дни...», был связан со скандалом, вспыхнувшим между Протопоповым и лидерами думских партий, входивших в так называемый Прогрессивный блок.

«С первого шага Протопопов возбудил к себе нелюбовь и презрение общественных и правительственных кругов. Отношение Думы сказалось на совещании с членами прогрессивного блока, устроенном 19 октября у Родзянки (см. прил. V в конце книги) <...>» (ПД. С. 14),

– вроде бы без тени юмора отмечает Блок.

Однако помещенная им в пятом приложении стенограмма («Совещание членов прогрессивного блока с А.Д. Протопоповым, устроенное на квартире М.В. Родзянко. 19 октября 1916 г.» – ПД. С. 96–104) хотя и имеет вид официального документа, но вполне может рассматриваться в ряду многочисленных сатирических сочинений о Протопопове, распространившихся, подобно стихотворным памфлетам, в списках.

Эта стенограмма стала широко известна не только политикам и «общественникам», но и ближайшему литературному окружению Блока еще до того, как он начал работать в ЧСК. Машинопись, идентичная той, которую опубликовал Блок, сохранилась в архиве Андрея Белого в НИОР РГБ³⁶. Был такой экземпляр машинописи и у З. Гиппиус. «Совещание застенографировано. Оно весело и неправдоподобно, как фарс. Точно в Кривом Зеркале играют произведение Тэффи. Да нет, тут скорее Джером-Джером... только он приличнее. Стоило бы сохранить стенограмму для назидания потомства», – реферировала она этот протокол в дневнике 29 октября 1916 г. И делала вывод:

Россия – очень большой сумасшедший дом. <...> Есть трагически-помешанные, несчастные. Есть и тихие идиоты, со счастливым смехом на отвисших устах собирающие щепочки и, не торопясь, хохоча, поджигающие их серниками. Протопопов из этих «тихих». Поджигательству его никто не мешает, ведь его власть. И дарована ему «свыше»³⁷.

А позднее вспоминала:

...когда нам показали стенограмму «чашки чая» – первого свидания министра с думцами и политиками, – мы все чуть не впали в <...> истерику неудержимого хохота.

– Да это нарочно! Кто это выдумал?

– Не выдумал, а официальная стенограмма...³⁸

Что же случилось на квартире у Председателя IV Государственной Думы М.В. Родзянко? Реконструировать произошедшее можно по мемуарам участников совещания.

«Протопопов добивался поговорить со своими товарищами по Думе и просил меня в этом помочь <...>»³⁹, – свидетельствовал Родзянко. «...Наш ласковый теленок хотел, – и был уверен, что может, – сосать двух маток. Он не отказался от звания члена Думы – и даже порывался выступить как таковой. Он хотел оправдаться перед сочленами – и просил Родзянко устроить для этого свидание <...>»⁴⁰, – возмущался П.Н. Милоков.

Родзянко согласился на встречу, но на своих условиях, обманув ожидания Протопопова. «Он, очевидно, надеялся, что свидание ему будет устроено только с представителями земцев-октябристов, но я нарочно созвал к себе лидеров всех фракций Прогрессивного блока»⁴¹, – не без злорадства вспоминал он.

В.В. Шульгин, также присутствовавший на совещании, описывал:

«Вечером 19 октября 1916 года я пришел на квартиру М.В. Родзянко. Здесь, кроме меня, собралось десять членов прогрессивного блока. <...> Родзянко предупредил нас, что мы приглашаемся на неофициальную встречу с министром внутренних дел по его желанию»⁴².

Встреча, задуманная Протопоповым как «дружеская», пошла не по тому сценарию, который был им спланирован, обернулась скандалом.

«Я пришел сюда с целью побеседовать с Вами. А теперь выходит, что я присутствую здесь в качестве подсудимого», – тщетно пытался он усюветить думцев (ПД. С. 97). А после на допросе сокрушался: «...я просил М.В. Родзянко устроить у себя на квартире свидание, и тут ко мне почувствовали уже большую вражду» (Падение... Т. 1. С. 123; допрос 21 марта 1917 г.).

Милоков же, напротив, с удовольствием вспоминал победу Прогрессивного блока: «Надеждам Протопопова был нанесен жестокий удар. Он был жалок, но мы его не пожалели. Он потом жаловался, что его "били, заплевывали, бичевали, затюкали" <...>»⁴³.

Недовольство думцев было вызвано не только политическими заявлениями Протопопова, изменившего прежней «вере». Возмутительными показались его манеры.

«Вы явились к нам не в скромном сюртуке, а в мундире жандармского ведомства. Как понимать это?», – передавал реакцию думцев Шульгин⁴⁴. «Протопопов захлебнулся от счастья быть министром (и это бывший лидер знаменитого думского блока!). Не

вылезает из жандармского мундира <...> и вообще абсолютно неприличен»⁴⁵, – возмущалась Гипшиус.

Родзянко вспоминал, что «Протопопов вел себя странно: он все время поднимал глаза кверху и с каким-то неестественным восторгом говорил: “Я чувствую, что я спасу Россию, я чувствую, что только я ее могу спасти”»⁴⁶. Привел Родзянко и точку зрения А.И. Шингарева, сформировавшуюся после этого заседания: «Шингарев, врач по профессии, говорил, что, по его мнению, у Протопопова просто прогрессивный паралич»⁴⁷. Сам же Шингарев дал развернутое описание этого безумного совещания в свидетельских показаниях ЧСК 21 августа 1917 г. Приведем фрагмент:

...мне пришлось встретиться с ним на знаменитом частном совещании у Родзянки, отчет о котором вы, вероятно, имеете. <...> Я входил в лифт, и он туда вошел в своем знаменитом мундире, протягивает мне руку и говорит: «вот, где мы с вами встретились». Я не очень охотно с ним познакомился и говорю: «да». Он говорит: «а вы знаете, я уже замечаю, у меня правая рука, как у Столыпина, начинает сохнуть». Я пожал плечами, думаю, что он городит, какая чепуха – правая рука сохнет, как у Столыпина. После того слышу рассказы от своих товарищей по Думе о бесконечном множестве соответствующих анекдотов о нем <...> Все заседание <...> на него смотрел, наблюдал и думал, что у него в голове неладно: его ответы, его манеры, поведение, его крайняя ажитация, его странные вставки и замечания <...> все это было необычайно странно и дико. <...> Я тогда же спросил Родзянко: «что с ним, по-моему, он полоумный, он свихнулся, нельзя же делать такие нелепости, это не то, что карьерист. <...> Все, что он делает, нецелесообразно» (Падение... Т. 7. С. 37–38).

Откуда же взялась стенограмма, если совещание проходило неофициально, на частной квартире? Оно не предполагало стенографирования. Более того, требование конфиденциальности было основным условием встречи: «По приезде *Протопопов* обратился с просьбой побеседовать запросто, под условием, чтобы ничто не вышло из этой комнаты» (ПД. С. 96).

Эту просьбу Протопопов повторил на протяжении вечера множество раз. Однако спустя десять дней в дневниках Гипшиус появляется отклик на стенограмму незастиенографированного совещания, а к началу 1917 г. она уже известна повсеместно.

Эту загадку раскрывает Милюков: «Я записал по памяти его бессвязный лепет и моя запись пошла гулять в публике. Протопопов был уверен, что за стенографистом сидел стенографист: точная запись звучала карикатурой»⁴⁸.

Более подробно он рассказал о происхождении стенограммы и ее распространении в самиздате в свидетельских показаниях ЧСК 7 августа 1917 г.:

...он хотел устроить свидание с членами блока по поводу продовольственного вопроса, смотря на это свидание, как на способ выяснения нашего отношения к нему. Оно состоялось тогда у Родзянки. Я не буду рассказывать подробностей, потому что они распространялись в большом количестве экземпляров. Запись эта сделана мной самим по памяти. Я там не вел записи, а после разговора по свежей памяти записал, и очевидно настолько близко к истине, что Протопопов потом был уверен и обвинял Родзянку, что за стеной сидели стенографистки <...> Я тогда же прочел беседу в заседании фракции центрального комитета, кто-то из товарищей взял ее у меня и унес, это было еще в виде черновика, и, сколько я знаю, она ко мне не вернулась (Падение... Т. 6. С. 343).

Примечательно, что и Родзянку в показаниях ЧСК 4 сентября 1917 г. не стал подробно рассказывать про встречу с Протопоповым, объяснив это тем, что «все знают»: «...это по рукам ходило, – протокол, записанный Милюковым» (Падение... Т. 7. С. 145)⁴⁹.

Упомянул о милюковской стенограмме на допросе 30 июня 1917 г. и министр иностранных дел Н.Н. Покровский. Любопытно, что он, будучи человеком здравого смысла и большого опыта в государственных делах, усомнился в ее подлинности:

Потом мы узнали о его посещении Родзянку. Вы знаете, тогда ходила по рукам стенограмма, – хотя, мне кажется, невероятно, чтобы это была стенограмма, потому что она так коротка и изображает такой длинный разговор; по-видимому, это было извлечение. Это стало известно, и вот тогда у всех, кто смотрел на Протопопова иначе, мнение о нем очень повернулось (Падение... Т. 5. С. 357).

Но наиболее интересным кажется свидетельство генерала П.Г. Курлова, симпатизировавшего Протопопову и служившего в 1916 г. товарищем министра внутренних дел. Курлов рассматривал и само совещание, и милюковский памфлет как спланированную атаку («Такая травля А.Д. Протопопова не была вызвана моментом: прогрессивный блок к ней усиленно готовился»). Однако и Курлов был вынужден признать, что «министр сам давал иногда повод» к насмешкам:

Подготовка ярко выразилась в частном совещании членов Государственной Думы, в которое А.Д. Протопопов явился в жандармском мундире. Все происходившее в этом заседании разошлось в широкой публике, среди которой циркулировал отпечатанный журнал этого частного собрания. А.Д. Протопопов утверждал, что содержание журнала не соответствовало действительности. Он был выставлен в отчете совещания в самом смешном виде, и, конечно, публика, уже в достаточной мере враждебно настроенная против правительства, поверила этому «документу»⁵⁰.

Трудно проверить, насколько точна была запись Милюкова, но то, что выглядела она как фарс, – это факт. Обсуждение реальных вопросов в ней было отражено минимально, но зато в деталях подавались перебранки и с особым смаком – нелепые сентенции Протопопова и все то, что придавало собранию комизм. Например:

П.Н. <Милюков> закрывает мне рот, чтобы я не мог объясниться с товарищами. Я мог бы ожидать <...> что, по крайней мере, сердце заговорит и смягчит отношения; но, по-видимому, я ошибался. Что же делать. Я хотел столкнуться, но если этого нельзя и ко мне так враждебно относятся, я принужден буду пойти один (ПД. С. 96–97).

Или:

Я личный кандидат государя, которого я теперь узнал ближе и люблю; но я не могу говорить об интимной стороне этого дела (ПД. С. 97).

Или:

Если здесь говорят, что меня больше не уважают, то на это ответ может быть дан не в обществе, а лицом к лицу с пистолетом в руках. Что касается отношения ко мне общества, сужу о нем по моим большим приемам. Туда приходят множество обездоленных и страдающих, и никто еще не уходил без облегчения (ПД. С. 98).

Впечатление фарса достигалось диалогами такого рода:

Протопопов. – Да, я всегда был монархистом. А теперь я узнал лично царя и полюбил его. Не знаю, за что, но и он полюбил меня. (*Капнист.* Не волнуйтесь, А.Д.). Да, вам хорошо сидеть там, на вашем кресле, а каково мне на моем. У вас есть графский титул и хорошее

состояние, есть связи, а я начал свою карьеру скромным студентом и давал уроки по 50 коп<еек> за урок. Я не имею ничего, кроме личной поддержки Государя, но с этой поддержкой я пойду до конца, как бы вы ко мне ни относились (ПД. С. 101).

Или:

Протопопов – <...> В вашем отношении ко мне, П.Н., говорит разум, но нет голоса сердца. Ваша супруга отнеслась бы ко мне совершенно иначе. Вот как я к вам отношусь. Хотите, я легализую вашу партию?

Милюков – При чем тут моя супруга (ПД. С. 102).

Не менее фарсово выглядели стенографические ремарки. В них отмечалось, когда Протопопов закатывал глаза к небу, после каких слов начинал тяжело дышать, как приговаривал почти на каждой фразе: «Это государственная тайна».

Финал встречи был представлен следующим образом:

Капнист подходит к Протопопову и убеждающим тоном говорит: «Ал. Дм., откажитесь от Вашего поста».

Милюков: «Вы ведете на гибель Россию».

Протопопов: «Я сам земец, и zemства пойдут за мною».

Голоса: «Не пойдут, Ал. Дм.».

После нескольких минут общего разговора по кружкам, раздаются голоса: «Ал. Дм., идите спать».

Шингарев: «Я могу Вам дать на прощание медицинский совет: Ложитесь спать и отдохните» (ПД. С. 104).

Итак, Блок поместил в приложении к книге «Последние дни императорской власти» широко известную стенограмму-памфлет. Вопрос о том, когда Блок впервые узнал об этом документе, представляется не очень важным. Доподлинно известно, что стенограмма была в распоряжении ЧСК. Но также весьма вероятно, что Блок, подобно Гипсиус, мог познакомиться с ней в «самиздате» еще осенью 1916 г.

По-видимому, Гипсиус не знала, что это не точный протокол, а псевдостенограмма, изготовленная Милюковым для того, чтобы показать истинную сущность предателя-Протопопова и выставить его в смешном виде в глазах общественности. У Блока, редактировавшего материалы ЧСК, были все основания об этом догадываться.

Блок в «Последних днях...» буквально реализовал пожелание Гиппиус – сохранить стенограмму «для назидания потомству»⁵¹. И еще, как кажется, Блок напечатал стенограмму с теми же целями, которые вдохновляли и Милокова. Неслучайно Блок посчитал нужным подчеркнуть, что «из-за «влияния личного характера» Протопопов «заставил многих сделать из него “притчу во языцах” и отнести к нему юмористически» (ПД. С. 14).

Желая первоначально «обойтись без анекдотов» и использовать в отчете лишь «тот богатый *литературный* материал, который дают именно стенограммы и письм<енные> показания»⁵², Блок не устоял перед соблазном и, подобно многим современникам, отнесся к Протопопову «юмористически».

В «Последних днях...», в финале первой главы, он оценил итоги деятельности министра в весьма пафосных, патетических выражениях:

Личность и деятельность Протопопова сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти. <...> как мяч, запущенный расчетливой рукой, беспорядочно отскакивающий от стен, он внес развал в кучу порядливо расставленных, по видимости устойчивых, а на деле шатких кегель государственной игры. В этом смысле Протопопов оказался, действительно, «роковым человеком» (ПД. С. 16).

Однако примечательно, что в подготовительных материалах к «Последним дням...» Блок представил гибель империи не только как трагедию, но и как фарс, в котором главную комическую роль суждено было сыграть последнему министру внутренних дел:

«Протопопов – фигурка оригинальная, <...> судьба бросила его в последнюю минуту, как мячик, под ноги истуканам самодержавия и бюрократии. И этот беспорядочно отскакивающий мячик, ошеломив всех, обнаружил комическую кукольность окружающего, способствовал падению власти, очень ускорил его»⁵³.

Примечания

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: В 7 т. / Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л.: Госиздат, 1924–1927. Т. 7. С. 153 (Допрос 4 сентября 1917 г.). Далее – Падение, с указанием тома и страницы в тексте.

- ² Шульгин В.В. Годы // Шульгин В.В. Годы. Дни: 1920. М.: Новости, 1990. С. 325.
- ³ Там же. С. 313.
- ⁴ Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. Рига: National reklama, 1924. С. 38. Запись за 5 декабря 1916 г.
- ⁵ Так передавал его слова В.В. Шульгин. См.: *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 322.
- ⁶ *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 10. С. 549–550. Письмо Алеманову от 27 ноября 1916 г.
- ⁷ *Гиппиус З.Н.* Дневники: В 2 т. / Под общ. ред. А.Н. Николокиной. М.: НПК «Интелвак», 1999. Т. 1. С. 427. Запись за 7 октября 1916 г.
- ⁸ Докладная записка Блока в Чрезвычайную следственную комиссию по вопросу издания «Избранных стенографических отчетов допросов» // Блок А.А. Последние дни императорской власти / Сост. З.И. Перегудова, С.С. Лесневский. М.: Прогресс-Плеяда, 2012. С. 290.
- ⁹ Деятельность Протопопова анализировалась многими историками (см., например: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989; *Пайнс Р.* Русская революция. Кн. 1: Агония старого режима: 1905–1917. М.: Захаров, 2005 и др.) и мемуаристами (см. небольшую подборку: *Поливанов О.А.* Протопопов глазами современников // Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 373–384).
- ¹⁰ *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 431. Запись за 29 октября 1916 г.
- ¹¹ *Толстой А.Н.* Хождение по мукам: В 3 кн. М.: АСТ, Олимп, 2001. Кн. 1–2. С. 215.
- ¹² *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 428. Запись за 16 октября 1916 г.
- ¹³ *Ремизов А.М.* Взвихренная Русь / Подгот. текста, ст., коммент. А.В. Лаврова // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Рус. кн., 2000. Т. 5. С. 29.
- ¹⁴ Протокол допроса В.А. Маклакова 10 сентября 1920 г. см.: *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л.А. Лыкова. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. арх., 1998. С. 254. (Рос. арх. Т. 8).
- ¹⁵ *Гиппиус З.Н.* Маленький Анин домик: Вырубова // Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Н.А. Богомолова. М.: Худож. лит., 1991. С. 308.
- ¹⁶ *Гиппиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 441. Запись за 2 февраля 1917 г.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Бухов А.С.* Кесарево – кесареви: Юмористические рассказы. Пг.: Журнал журналов, [1917]. См. републикацию: Сатирическая история от Рюрика до революции. М.: Алгоритм, 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://coollib.net/b/306936> (дата обращения: 01.06.2016).
- ¹⁹ См.: *Мокульский С.* Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра: Очерки развития. Л.: ГИХЛ, 1933. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма: 1917–1921. С. 23–24; *Ярон Г.М.* О любимом жанре. М.: Искусство, 1960. [Электронный ресурс]: URL: http://krotov.info/libr_min/28_ya/ro/n_1.htm (дата обращения 01.06.2016); *Гинзбург С.* Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. С. 352–353.

- ²⁰ *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели: В 2 т. М.: Директ-Медиа, 2014. Т. 2: Революция и Россия. С. 117. Полный текст см.: Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. С. 119–120.
- ²¹ *Любимов Л.Д.* На чужбине. Ташкент: Узбекистан, 1979. [Электронный ресурс] URL: <http://www.istmira.com/razlichnoe/na-chuzhbine/page/19> (дата обращения: 01.06.2016).
- ²² *Успенский Л.В.* Записки старого петербуржца. Л.: Лениздат, 1970. [Электронный ресурс] URL: http://lib.ru/PROZA/USPENSKIJ_L/peterburzhec.txt (дата обращения: 01.06.2016).
- ²³ Дневник члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича. С. 115. Полный текст: С. 117–118.
- ²⁴ *Ефимов Б.* Десять десятилетий: (О том, что видел, пережил, запомнил). Воспоминания. М.: Вагриус, 2000. (Серия «Мой 20 век») [Электронный ресурс] URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1031487/Efimov_-_Desyat_desyatiletij.html (дата обращения: 01.06.2016).
- ²⁵ См.: *Перегудова З.И.* Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц и Александр Блок // Блок А.А. Последние дни императорской власти. С. 298–365; *Иванова Е.В.* Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. С. 64–85, 220–222.
- ²⁶ *Блок А.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1960–1963. Т. 7. С. 286. Запись за 21 июля 1917 г.
- ²⁷ См. также в «Архиве русской революции» (Берлин. 1922. Т. 4. С. 5–54).
- ²⁸ *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. С. 288–289.
- ²⁹ См.: *Стивак М.* Андрей Белый – мистик и советский писатель. М.: РГГУ, 2006. С. 161–164. См. также оценку А.Д. Протопопова в публикации А.Е. Парнисом инскриптов Блока на книгах, подаренных С.В. Панченко: Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. М.: Наука, 1982. С. 112–114.
- ³⁰ *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 288. Запись за 25 июля 1917 г.
- ³¹ *Блок А.А.* Последние дни императорской власти. С. 13. Далее – ПД, с указанием страницы в тексте.
- ³² *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 265. Запись за 18 июня 1917 г.
- ³³ Блок использует материалы допроса А.Д. Протопопова 21 марта 1917 г. См.: Падение... Т. 1. С. 134, 142, 150, 117.
- ³⁴ Блок использует материалы допросов Д.М. Дубенского 9 августа, И.Ф. Манасевича-Мануйлова 10 апреля, Н.Н. Покровского 30 июня 1917 г. См.: Падение... Т. 4. С. 386; Т. 2. С. 68; Т. 5. С. 358.
- ³⁵ Блок использует показания А.Д. Протопопова 14 апреля 1917 г. См.: Падение... Т. 2. С. 151.
- ³⁶ НИОР РГБ. Ф. 25. К. 33. Ед. хр. 18. Подробнее о стенограмме см.: *Стивак М.* Указ. соч. С. 154–164.

- ³⁷ *Гиттиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 431. Запись за 29 октября 1916 г.
- ³⁸ *Гиттиус З.Н.* Маленький Анин домик: Вырубова. С. 308.
- ³⁹ *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков: Интербук, 1990. С. 179.
- ⁴⁰ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917): В 2 т. М.: Современник, 1990. Т. 2. С. 228–229.
- ⁴¹ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 179.
- ⁴² *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 314.
- ⁴³ *Милюков П.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 229.
- ⁴⁴ *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 315.
- ⁴⁵ *Гиттиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 427. Запись за 16 октября 1916 г.
- ⁴⁶ *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 180.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 2. С. 229.
- ⁴⁹ Ср.: «Большой день во дворце: допрос Родзянко» (*Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 308. Запись за 4 сентября 1916 г.).
- ⁵⁰ *Курлов П.Г.* Гибель Императорской России. М.: Современник, 1992. С. 238.
- ⁵¹ *Гиттиус З.Н.* Дневники. Т. 1. С. 431. Запись за 29 октября 1916 г.
- ⁵² *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 7. С. 265.
- ⁵³ *Блок А.А.* <Характеристики отдельных лиц, не вошедшие в окончательный текст> // *Блок А.А.* Собр. соч. Т. 6. С. 449.